

Б12.8
ф 71
113767

Д-ръ МОРИСТЬ ФЛЁРИИ

МЕДИЦИНА ЧУВСТВОВАНИЙ.

ПЕЧАЛЬ.

Физиологія чувствованій.—В. Джемсъ,
Лапге, Дюма, Рибо. Состояніе духа
у неврастениковъ. Эксперименталь-
ныя измѣненія мозговой дѣятельности;
шкала эмоцій. Опредѣленіе печали и
радости. Міровая скорбь. Пессимизмъ.
Заключеніе.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Изданіе А. Сомова.

Выпускъ II.

МОСКВА.

Типографія Е. Гербова, 2-я Мѣщанская, № 26.

1898.

Д-ръ МОРИСЪ ФЛЕРИ

157 (02)

МЕДИЦИНА ЧУВСТВОВАНИЙ.

ПЕЧАЛЬ.

Физиология чувствований.—В. Джемсъ,
Ланге, Дюма, Рибо. Состояние духа
у неврастениковъ. Эксперименталь-
ныя измѣненія мозговой дѣятельности:
скала эмоций. Опредѣленіе печали и
радости. Міровая скорбь. Пессимизмъ.
Заключеніе.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Изданіе А. Сомова.

Выпускъ II.

МОСКВА.

Типографія Е. Гербека, 2-я Мъщанская, д. № 26.
1898.

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

45

612.8
—
90 71

Дозволено цензурою. Москва, 20 июня 1898 года.

I.

Въ наше время изслѣдованіе чувствованій находится въ полномъ разгарѣ.

Вотъ почти четверть вѣка, какъ ученые съ особой настойчивостью стремятся изучить географію человѣческаго мозга, разграничить на корѣ этого малаго міра территоріи, предназначенныя извѣстнымъ группамъ нашихъ ощущеній и порождаемымъ ими дѣйствіямъ. Отъ этой задачи, рѣшенной уже на три четверти, врачи переходятъ къ другой: они теперь заинтересованы исторіей этихъ душевныхъ странъ, безпрестанными измѣненіями ихъ дѣятельности, ихъ безучастностью, ихъ оцѣпенѣніемъ, ихъ конвульсіями.

Послѣ долгихъ вѣковъ, прошедшихъ въ попыткахъ приняться за изслѣдованіе этого интереснаго вопроса и, какъ водится, въ разногласіи по этому поводу, философы *) (главнымъ образомъ врачи философы) нако-

*) Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ исключить нѣкоторые великіе умы, между прочими Декарта, Мальбранша и Спинозу. Наиболее геніальное представленіе психофизиологическаго механизма чувствованій находится у Мальбранша, пришедшаго къ тѣмъ же идеямъ, къ какимъ пришелъ Ланге только около 1885 года. Что касается Спинозы, то онъ далъ въ краткой фразѣ своего столь выразительнаго латинскаго языка въ Этикѣ такое рѣшеніе вопроса, къ которому приводятъ нынѣшнія данныя экспериментальной психологіи.

нецъ узнали съ нѣкоторой точностью, почему мы печальны или веселы, какимъ образомъ насъ охватываетъ страхъ или увлекаетъ порывъ гнѣва, почему одинъ человекъ унылъ, а другой надмѣненъ, почему наша мысль дремлетъ или же наоборотъ неудержимо проявляется въ пылкихъ дѣйствіяхъ, въ устномъ или письменномъ словѣ.

Изъ трехъ книгъ, дающихъ намъ новое возрѣніе на человѣческой духъ въ состояніи эмоціи, книга американскаго ученаго Вильяма Джемса еще не переведена на нашъ (французскій) языкъ, книга копенгагенскаго профессора Ланге переведена только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а диссертация нашего соотечественника г. Дюма вышла въ свѣтъ еще позднѣе.

Этотъ Г. Дюма, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Рибо (ему теперь 29 лѣтъ, и онъ — докторъ медицины и профессоръ философіи въ Шаптавѣ) написалъ о меланхолии небольшую, но очень замѣчательную книгу, гдѣ онъ доказываетъ при помощи прекрасныхъ наблюденій надъ ипохондриками, что печаль происходитъ вслѣдствіе вялости нашего организма, и что она является умственнымъ отраженіемъ истощенія нашей нервной системы. Этотъ аффектъ, говоритъ Дюма, — есть ни что иное, какъ смутное сознаніе слабости и немощности нашего организма, прочнаго или преходящаго пониженія силы нашего кровообращенія, а слѣдовательно и нашей жизнедѣятельности. Когда мы теряемъ кого нибудь изъ любимыхъ нами людей, то сильный упадокъ силъ, замѣчаемый въ насъ, является не слѣдствіемъ нашего горя, но причиною его.

Постараюсь объяснить это. Ужасное зрѣлище смерти

или извѣстіе о ней, переданное глазами или ушами, зрительнымъ или слуховымъ нервомъ, производитъ въ нашихъ нервныхъ центрахъ очень сильныя колебанія, рѣзко разрывающія и уничтожающія такія твердо установившіяся понятія, такую привычную ассоціацію идей, и столь твердо укоренившіяся привычки духа, что мозгъ приходитъ въ изнеможеніе и истощеніе. Его жизнеспособность подавляется, его тонусъ понижается, а слѣдовательно кровообращеніе замедляется, дыханіе становится слабымъ, мускулы функционируютъ вяло, и наши чувствительные нервы постоянно приносятъ отъ всего тѣла къ мозгу ощущеніе слабости, изнеможенія, безсилія; нашъ духъ смутно сознаетъ это, и такое неясное сознаніе слабости и называется печалью.

Такимъ образомъ печаль есть особый низшій складъ нашей мозговой дѣятельности, и если онъ продержится извѣстное время, то отпечатокъ его ложится на нашъ духъ, и все будетъ представляться намъ въ мрачномъ, печальномъ, пессимистическомъ освѣщеніи.

Печаль есть ни что иное какъ одинъ изъ симптомовъ болѣзни жизнедѣятельности, какъ уменьшеніе притока крови къ мозгу и замедленіе процесса питанія, — таково въ общемъ мнѣніе Ланге, Рибо и Дюма, и всѣ согласны, что ихъ ученіе слѣдуетъ считать первымъ раціональнымъ объясненіемъ чувствованій. По моему мнѣнію, только одинъ пунктъ въ этой теоріи подлежитъ возраженію, а именно то преобладаніе, та первенствующая роль, которая дается въ ней явленіямъ кровообращенія, анеміи и прилива крови къ мозгу. Но это только одна сторона вопроса, а основы теоріи установлены вполне твердо.

II.

Когда до моего свѣдѣнія дошли всѣ эти труды, представляющіе такой высокой теоретической интересъ, я не могъ не сблизить ихъ съ извѣстнымъ количествомъ имѣющихъ болѣе непосредственное практическое значеніе точныхъ фактовъ, которые пришлось наблюдать мнѣ самому и которые уже около трехъ лѣтъ тому назадъ привели меня, скромнаго врача, къ заключеніямъ вполне сходнымъ съ воззрѣніями этихъ выдающихся психологовъ.

Всякій знаетъ теперь, что значитъ слово неврастенія, — это такое же общеупотребительное въ наше время слово, какъ и велосипедъ — такъ вотъ анализъ симптомовъ и лѣченіе этого поучительнаго невроза, до сихъ поръ обращавшаго на себя слишкомъ мало вниманія, привело меня сначала къ догадкамъ, а потомъ и къ ясному пониманію механизма нашихъ чувствованій вообще и печали и радости въ частности.

Несмотря на внезапныя вспышки нервнаго возбужденія, шумной радости или минутнаго гнѣва, всѣ мои друзья неврастенники представляютъ собой въ теченіе большей части своей жизни немощныхъ людей со слабой жизнедѣятельностью, съ вялымъ пищевареніемъ и съ пониженіемъ способности дѣйствовать. Въ извѣстные часы дня, напр. послѣ сна или передъ ѣдой, они съ трудомъ держатся на ногахъ, и ихъ

сердце лѣниво приносить блѣдную кровь ко всѣмъ органамъ.*)

Но усталость духа идетъ постоянно рядомъ съ такимъ истощеніемъ физической энергіи. Кто имѣлъ возможность ближе присмотрѣться къ этому, для того несомнѣнно что душа и тѣло испытываютъ одновременныя колебанія въ усиленіи и ослабленіи: неврастеники и люди съ истощенной нервной системой отличаются усталостью духа, выражающейся, смотря по степени силы болѣзни, въ безпокойствѣ, нерѣшительности, униженности, страхѣ и меланхоліи. При такихъ недостаткахъ эти больные обладаютъ обыкновенно нѣжнымъ и жалостливымъ къ страданіямъ другого существа сердцемъ, именно потому, что они сами всегда хотятъ, чтобы другіе относились сострадательно къ ихъ мученіямъ.

Для сравненія обратите вниманіе на нервныхъ гипертениковъ, т. е. людей, обладающихъ излишкомъ силы; они переполнены гордостью и самодовольствомъ, жестокости, гнѣвны и всегда близки къ раздраженію; они храбры, какъ львы, хищны, какъ дикіе звѣри, и недоступны чувству жалости, потому что имъ не приходится сожалѣть самихъ себя.

Нерѣшительность, смиреніе, лѣнь, страхъ, печаль, жалостливость—все это симптомы мозгового истощенія въ различныхъ его степеняхъ; наоборотъ, гордость,

*) Сфигмометръ Вердена и Шерона, остроумный приборъ аналогичный манометру, позволяетъ намъ съ точностью измѣрить силу сокращеній сердца. По этому предмету смотр. очень убѣдительные опыты доктора Шерона о вялости сокращеній сердца и о пониженіи давленія крови, явленіяхъ, совпадающихъ съ замѣтнымъ уменьшеніемъ количество кровяныхъ шариковъ, причиной чего служитъ настоящее разжиженіе крови у неврастениковъ и истощенныхъ.

тщеславіе, гнѣвъ, эгоизмъ, храбрость, геройство, жестокость служатъ обычными проявленіями душевной экзальтаціи.

Это легко доказать: возьмите какогонибудь субъекта изъ той или другой категоріи; если онъ принадлежитъ къ истощеннымъ, дайте ему принять какоенибудь хорошее тонизирующее средство, а если онъ относится къ разряду экзальтированныхъ, дайте ему чтолибо успокаивающее, и вы увидите, какъ измѣнятся и тотъ и другой, какъ они буквально перестанутъ быть самими собою, какъ будутъ оставаться подъ вліяніемъ дѣйствія принятыхъ лѣкарствъ. Всякій знаетъ, что посредствомъ алкоголя можно довести до самыхъ высокихъ степеней гнѣва, нахальства и жестокости самый боязливый духъ; съ другой стороны, если дать самому неистовому бѣсповатому большую дозу брома, то онъ станетъ самымъ спокойнымъ, робкимъ и пассивнымъ тупицей.

Слишкомъ слабые и слишкомъ сильные, подавленные и возбужденные—вотъ какое первичное основное дѣленіе долженъ установить и взять точкой отправленія своего дѣла всякій моралистъ, если онъ ставитъ себѣ задачей не столько проповѣдь изящныхъ правилъ морали, сколько заботу о страдающихъ душою людяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что другое можетъ быть цѣлью всякаго нравственнаго ученія, какъ не постоянное уменьшеніе огромной области человѣческаго страданія, какъ не оплодотвореніе этой пустыни постепенной культурой ея окраинъ, увеличеніемъ числа ея оазисовъ, открытіемъ ключей, въ которыхъ истомленная душа человѣка могла бы почерпнуть энергію и надежду?

Чтобы не быть только пустымъ словомъ, нравственность должна дать миръ на землѣ людямъ съ благими стремленіями; она должна научить, какимъ образомъ замѣнить муку смятенія—безмятежностью и безпорядокъ—стройностью. Но люди съ избыткомъ силы, равно какъ и люди съ излшкомъ слабости стоятъ внѣ сферы гармоніи: слабые постоянно мучаютъ себя страхомъ и печалью, а сильные, будучи слишкомъ дѣятельными, буйными и истребительными какъ Молохъ, этотъ типъ гипертенсивнаго бога, сѣютъ, правда почти безсознательно, скорбь вокругъ себя.

Вотъ въ этомъ-то и заключается простое доброе дѣло, насущный неотложный долгъ: въ укрѣпленіи истощенныхъ, въ обузданіи жестокости буйныхъ, въ приведеніи всего крайняго къ нормальному.

На меня, навѣрно, градомъ посыпятся упреки за такія воззрѣнія. Вы намъ предлагаете, — скажутъ мнѣ, — какую-то плоскую мораль, подавляющую всякій благородный и свободный порывъ души и одобряющую только безстрастную посредственность. Но вѣдь это—мораль индифферентна, что-то въ родѣ нравственнаго болота, какой-то мелкій научно буржуазный буддизмъ, которымъ никогда не захочетъ сковать себя свободный человѣкъ.

У меня нѣтъ такихъ мрачныхъ и нелѣпыхъ намѣреній. Правда, на полпути между чрезмѣрной силой и чрезмѣрной слабостью, на одинаковомъ разстояніи отъ пароксизма бѣшенства и отъ полного изнеможенія мы встрѣчаемъ зону безразличнаго равнодушія, на которую Кантъ смотрѣлъ какъ на идеаль для людей, застывшихъ въ созерцаніи чистой идеи и потому недоступныхъ ни печали, ни радости, ни гнѣву, ни страху; но такое

слишкомъ совершенное равновѣсіе, такая неопредѣленная прямая линія не кажутся мнѣ желательными.

Лишась чувствованій, человѣкъ лишится также мотивовъ дѣятельности и перестанетъ желать. А тогда онъ дѣйствительно осуществитъ древнее буддійское стремленіе, т. е. вступить въ окончательный мракъ небытія, возвратится къ неподвижности минеральнаго царства, станетъ, такъ сказать, своей собственной статуей, и это будетъ истинный конецъ міра, потому что наши чувства не будутъ уже болѣе воспринимать его.

Я думаю, что при современномъ состояніи человѣчества на такой радикальный нигилизмъ способны лишь немногіе суровые и нелюдимые фантазеры. Что касается меня, то я не принадлежу къ нимъ, я просто на просто врачъ, желающій вести своихъ больныхъ къ выздоровленію и отнюдь не признающій за собой права вести къ небытію души скорбящихъ людей, довѣрившихся мнѣ съ цѣлью возвратитъ себѣ жизнерадостность.

Когда врачи посылаютъ невропатовъ „на траву“, въ деревню, то выбираютъ обыкновенно не низменную, а умѣренно высокую мѣстность (отъ 500 до 1000 футовъ надъ уровнемъ моря); точно также ощущеніе здоровья, силы, живости чувствованій и движеній, однимъ словомъ жизнерадостность возможна только при нѣкоторой повышенности жизненной энергіи, при нѣкоторой возбужденности мозга.

Но здѣсь мнѣ необходимо войти въ болѣе положительныя разъясненія. Я изложу теперь рядъ небольшихъ клиническихъ опытовъ, повторенныхъ мною надъ различными субъектами значительное число разъ; хотя эти опыты производились только врачомъ надъ больными и

не сопровождалась ни трепанацией собачьихъ череповъ, ни вивисекціей морскихъ свинокъ, я все таки думаю, что могу считать ихъ строго научными и имѣющими по крайней мѣрѣ такую же цѣнность и значеніе, какъ и лабораторные эксперименты.

III.

Какъ-то разъ мнѣ пришлось замѣтить ушедшую отъ меня для отдыха служанку первой встрѣчной прислугой; эта послѣдняя была крайне анемичной, тощей и слабой дѣвушкой, и такъ какъ ноги подгибались подъ ней и отказывались носить ее, то она просила меня дать ей какое нибудь восстанавливающее силы средство. Со стороны физической она обладала всѣми признаками неврастенческаго упадка силъ и ясно выраженной анеміи, съ моральной стороны она была апатична, печальна, какъ Бретонка, страдающая тоской по родинѣ, робка, пуглива, подавлена страхомъ „истаять отъ чашотки“, но кротка, покорна и не способна ни къ какому, рѣзкому жесту или наглому слову.

Я далъ ей нѣсколько желѣзистыхъ препаратовъ, но безъ успѣха. Черезъ нѣсколько дней я рѣшился сдѣлать ей подкожное впрыскиваніе искусственной сыворотки, при чемъ сразу прибѣгнулъ къ исключительно-сильной дозѣ. Я вполне ясно помню, что при этомъ сказалъ ей такую фразу, не могущую по моему мнѣнію служить внушеніемъ: „Можетъ быть это придастъ вамъ немного силы, но я не увѣренъ въ этомъ. Лучшимъ лѣкарствомъ для васъ будетъ жизнь въ деревнѣ, вамъ нужно вернуться на родину“.

Не прошло и часа послѣ инъекціи, какъ я услышалъ странный шумъ по всему дому. Я пошелъ посмотреть, что это такое и увидалъ, что моя анемичная служанка, бывшая за нѣсколько минутъ передъ этимъ такой тихой и слабой, такой кроткой и робкой, рѣзко перемѣнилась: съ горящими щеками, съ блестящими глазами она грохотала посудой, хлопала дверями, громкимъ голосомъ съ гнѣвными жестами сердито бранила кухарку, обращалась съ ребенкомъ какъ съ тюкомъ бѣлья, словомъ выказывала всѣ признаки гнѣва опьянѣвшаго человѣка. Но такъ какъ она выпила утромъ только одну чашку молока, то я долженъ былъ признать, что она пьяна отъ серума,*) какъ нѣкоторые нервные люди становятся пьяными отъ кофе. Ея нервная система вслѣдствіе своей слабости была очень способна къ быстрой раздражительности, и та доза серума, которая на васъ или на меня произвела бы только легкое ободреніе, перевернула вверхъ дномъ весь характеръ этой дѣвушки, дала ей другую душу и разомъ перенесла ее отъ смиренія къ гордости (она все толковала кухаркѣ о своемъ личномъ достоинствѣ и о важномъ положеніи

*) Я уже описалъ въ *Bulletins de la Société de thérapeutique* два другихъ случая опьяненія отъ серума. Серумъ есть не что иное какъ соленая вода; она дѣйствуетъ механически, и такое опьяненіе, вызываемое легкимъ раздраженіемъ чувствительныхъ нервовъ, находящихся въ стѣнкахъ каналовъ, по которымъ обращается кровь, представляетъ собою высоко интересное фізіологическое явленіе.

Если начать лѣченіе съ умеренныхъ дозъ, то искусственный серумъ никогда не производитъ такихъ рѣзкихъ реакцій. Нужно инъцировать значительную дозу, да и кромѣ того субъектъ долженъ быть особенно легко возбудимымъ, чтобы получить это явленіе опьяненія, никогда не наблюдающееся при методически веденномъ лѣченіи.

ея семьи въ Понтиви), отъ печали къ гнѣву, отъ кротости къ раздраженію, отъ безсилія дѣйствовать къ самой буйной дѣятельности. Нельзя себѣ представить, какое количество мускульной энергіи истратила она за этотъ день; она испытывала ощущеніе крайней легкости въ тѣлѣ, какъ будто оно готово было подняться на воздухъ, ее что то толкало къ движенію и дѣйствию, и ея голосъ обыкновенно глухой и слабый, звенѣлъ, какъ труба.

Два дня спустя я полюбопытствовалъ возобновить попытку инъекціи при половинной дозѣ серума. На этотъ разъ вліяніе вспрыскиванія сказалось на моей больной не припадкомъ гнѣва, но нетерпѣніемъ и разстройствомъ нервъ, что выразилось въ слезахъ, въ шумномъ смѣхѣ, въ потребности постоянно двигаться, жестикулировать и говорить слишкомъ громко безъ всякой другой замѣтной цѣли, кромѣ израсходованія излишка скопившейся въ мозгу силы.

Нѣсколькими днями позже, больная опять подверглась инъекціи, при чемъ серумъ былъ менѣе крѣпокъ, и его доза вновь уменьшена; въ результатѣ получилось нейтральное состояніе безъ подавленія умственныхъ способностей, но и безъ одушевленія. Это было состояніе полного равнодушія, застоя, скучной уравновѣшенности и посредственности. Слѣдующій и послѣдній опытъ съ немного болѣе сильной дозой серума имѣлъ болѣе благоприятныя слѣдствія: моя анемичная больная, подкрѣпленная достоодолжнымъ образомъ, почувствовала себя сильной, спокойной, жизнерадостной и была очень рада, что легко можетъ справляться съ своей работой. Подъ вліяніемъ точно подходящей къ ея организму дозы, на лицѣ

больной сохранялось, такъ сказать, сіяніе счастья, въ теченіе двѣнадцати дней и все это время она была въ отличномъ расположеніи духа и очень дѣятельна. Съ тѣхъ поръ та же доза приводила почти всегда къ тѣмъ же самымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, послѣ долгихъ поисковъ, постигавшихъ поочередно въ двери гнѣва, слезъ, нервнаго расстройства и равнодушія, я нашелъ наконецъ то состояніе жизнерадостности и бодрой дѣятельности, которое должно считать, въ сущности, наиболѣе желательнымъ состояніемъ души; оно оказалось на средней высотѣ, на степени легкаго возбужденія, стоящей выше равнодушія и ниже гнѣва и расстройства нервъ. Весь циклъ опытовъ былъ пройденъ, и бѣдная служанка съ вялымъ и легко реагирующимъ мозгомъ открыла мнѣ, и такъ сказать, позволила осязать пріемственность человѣческихъ чувствованій.

Этому небольшому клиническому опыту придаетъ неоспоримое значеніе и дѣйствительную научную цѣнность тотъ фактъ, что всѣ тонизирующія, всѣ возбуждающія нервную систему средства дѣйствуютъ въ томъ же направленіи: въ небольшой дозѣ они приводятъ въ веселое настроеніе, въ усиленной—они ведутъ къ гнѣву.

Со временъ Ноя всякій знаетъ, что немного вина или водки даетъ чувство силы и веселья, тогда какъ лишняя рюмка приводитъ человѣка въ раздражительное состояніе и онъ становится злымъ. Такъ же дѣйствуетъ кофеинъ, и не разъ замѣчались случаи опьяненія кофеиномъ. Даже болѣе; простыя механическія средства, какъ наприкладъ: душъ, массажъ, вдыханіе кислорода, статическое электричество, жаркая баня приводятъ иногда къ раст-

ройству нервъ. Такъ можно опьянѣть отъ свѣжаго воздуха, и мнѣ приходилось встрѣчать такихъ нервныхъ людей, которые пьянѣли отъ принятія большого количества нищи, какъ другіе пьянѣютъ отъ вина.

Сомнѣваться въ этомъ, равно какъ и ссылаться въ подобныхъ случаяхъ на внушеніе, невозможно. *)

Теперь мы можемъ построить классификацію (разумѣется еще очень краткую и схематичную) и дать синоптическую таблицу различныхъ степеней мозговой дѣятельности и соотвѣствующихъ состояній души.

*) Докторъ Шеронъ доказалъ, что подкожное впрыскиваніе серума менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ возвышаетъ давленіе крови въ артеріяхъ и производитъ настоящее сгущеніе ея. Подъ вліяніемъ рефлекторнаго возбужденія мышечная оболочка сосудовъ сжимается, емкость кровеносныхъ путей уменьшается, болѣе жидкія части крови вытѣсняются въ ткани, окружающія артерію, и красные кровяные шарики, растворенные въ меньшемъ количествѣ кровяной плазмы, становятся болѣе многочисленными въ полѣ микроскопа. Этотъ опытъ я повторилъ три раза въ разное время надъ больными профессора Раймонда въ Сальпетриерѣ и каждый разъ приходилъ къ тѣмъ же результатамъ. Тоже явленіе быстро наступающей гиперглобуліи было констатировано, какъ я недавно узналъ, Винтернитцемъ въ Вѣнѣ послѣ холоднаго душа, Джономъ Митчелемъ въ Нью Йоркѣ послѣ общаго массажа и профессоромъ Бруарделемъ послѣ инъекціи соленого слабительнаго. Наблюденія, опубликованныя этими учеными, придають еще большее значеніе опыту доктора Шерона, произведенному 8 лѣтъ тому назадъ.

Синоптическая таблица различных состояній мозговой дѣятельности.

Артеріальное давление по манометру	Соотвѣтствующія состоянія души.	
30	} Припадокъ бѣшенства; стремленіе къ	
29		буйству.
28	} Сильная ярость, бѣшенные крики и дви-	
27		женія; потребность къ уничтоженію неоду-
26		шевленныхъ предметовъ.
25		} Гнѣвъ.
24	} Раздражительность, безцѣльные жесты,	
23		крики и слезы, расходующіе излишекъ силы,
22		накопившейся въ нервныхъ центрахъ.
21		} Мужество, бодрость, усердіе къ работѣ.
20	} Шумная веселость, радостныя восклица-	
19		
18		} Искренняя веселость.
17	} Улыбка.	
16		} Поясъ равнодушія.
15	} Кротость, застѣнчивость.	
14		
13	} Печаль.	
12		} Утомленіе.
11	} Лѣньность.	
10		} Страхъ.
9		
8	} Полный упадокъ душевныхъ способно-	
7		стей, обморокъ.
6	}	
5		}
4	}	
3		}
2	}	
1		}
0		

Надо внимательно прочесть эту таблицу; не смотря на столбец цифръ, она отнюдь не какая нибудь математическая таблица, а простая схема, дающая читателю возможность сразу охватить этотъ рядъ, эту скалу состояній души, возникающихъ и исчезающихъ въ насъ при той или другой степени возбужденности или подавленности мозга.

Чтобы научно узнать состояніе жизненной энергіи, у насъ есть только одно средство: измѣрить по пульсациіи лучевой артеріи силу сокращенія сердца и давленіе крови въ сосудахъ и сосчитать красные шарики. Вообще можно сказать, что у истощенныхъ степень артеріальнаго напряженія низка, и кровь жидка, тогда какъ у возбужденныхъ замѣчается значительное повышеніе кровяного давленія, сгущенность крови и видимое увеличеніе количества красныхъ шариковъ.

Но при всемъ этомъ не слѣдуетъ думать что всякій человѣкъ обладающій давленіемъ равнымъ 30 сантиметрамъ ртутнаго столба, будетъ находиться во власти преступныхъ замысловъ убійства: между разными людьми въ одномъ и томъ же состояніи духа, существуетъ крупная разница въ цифрахъ. Для насъ важна лишь іерархія, послѣдовательность явленій, и я твердо увѣренъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ сила сокращенія сердца и напряженія артерій подвергаются колебаніямъ, точно соответствующимъ колебаніямъ духа.

У невропатовъ, страдающихъ неврастеніей, наблюденія надъ которыми и служатъ основой настоящаго труда, давленія въ 13—16 саптим. соответвуютъ

вообще безразличному равновѣсію умственныхъ способностей. Низшія давленія даютъ область утомленія, вышшія—область мозгового возбужденія.

Спускаясь по ряду нашей таблицы, такъ сказать, въ подвалы души, мы встрѣчаемъ кротость съ застѣнчивостью, робость и печаль, хромающую подъ руку съ утомленіемъ, затѣмъ лѣнность, т.е. привычное отвращеніе ко всякому усилію, и, наконецъ, на самомъ низу, страхъ и ужасъ. Таковы нравственные признаки мозгового истощенія.

Наоборотъ, въ восходящемъ ряду громоздятся другъ за другомъ: сначала сфера радости, начинающаяся съ простой улыбки и кончающаяся безумнымъ хохотомъ, къ которому близки слезы; затѣмъ сфера гордости и гнѣва, идущая отъ самыхъ умѣренныхъ формъ храбрости, протеста и доходящая до пароксизма бѣшенства, со стремленіемъ къ уничтоженію, т.е. до послѣдняго предѣла человѣческой возбужденности.

Не кажется ли вамъ, что, при такомъ способѣ смотрѣть на вещи, изслѣдованіе нашей души значительно упрощается? Ученіе о локализацияхъ, ставшее нынѣ классическимъ и общепринятымъ, показало намъ, что въ мозговой коркѣ есть особыя территоріи, воспринимающія извѣстный родъ ощущеній и сохраняющія память о нихъ, особыя области, заправляющія извѣстными движеніями, дающія намъ возможность смотрѣть или слушать, писать или говорить, топтать ногой, сжимать кулаки, закатывать глаза и т. п.

Въ общемъ, то что мы называемъ нашимъ духовнымъ міромъ, есть ни что иное какъ сумма впечатлѣній ихъ взаимныхъ ассоціацій и регулируемыхъ ими движеній.

И вотъ теперь передъ нами открывается другая сторона великаго вопроса: мы учимся узнавать измѣненія въ напряженности мозговой дѣятельности. Соответственно тому, хорошо или дурно питаются всѣ эти чувствительныя и двигательныя области мозговой коры человѣка, сообразно съ тѣмъ вялы или возбуждены составляющія ихъ клѣточки, нашъ духъ представляетъ различныя состоянія и облекается въ форму самыхъ разнообразныхъ чувствованій.

Такимъ образомъ, страхъ должно считать теперь ни чѣмъ инымъ какъ пониженіемъ жизнедѣятельности, истощеніемъ мышечной энергіи, дающей нашему духу чувство непоправимой приниженности, сознание бесполезности борьбы. Наоборотъ, храбрость есть быстрое возрастаніе нашихъ силъ, смутное сознание неукротимой физической силы, заставляющее насъ презирать самую смерть, или лучше сказать, мѣшающее намъ остановиться на этой печальной мысли. Храбрость есть нѣчто оптимистическое, это — мощное чувство надежды и пельза не удивляться съ какой прозорливостью Барресъ понялъ это душевное состояніе, когда онъ говоритъ о Норманнахъ, спутникахъ Вильгельма завоевателя, какъ о людяхъ, „жизненная энергія которыхъ была такъ высока, что это мѣшало имъ постигнуть понятіе небытія.“ А съ точки зрѣнія современной психологіи храбрость есть ни что иное какъ извѣстная средняя степень мозгового возбужденія, стоящая между радостью и гнѣвомъ.

На любовь къ труду и на бодрость во время работы слѣдуетъ смотрѣть тоже какъ на излишекъ энергіи, какъ на потребность тратить свою силу. Нервный и праздный субъектъ всегда бываетъ раздражительнымъ, ибо на

пустомъ гнѣвѣ онъ и растрчиваетъ силу духа, которая могла бы пойти на дѣло. Вспомните радостное чувство спокойствія, ощущающееся нами послѣ исполненія какого нибудь дѣла вполне соответствующаго нашимъ силамъ; на трудной работѣ истрачивается излишекъ нервозности и мы утомляемся трудомъ какъ разъ на столько, что переходимъ въ область радости.

Я уже показаль ранѣе что то, что люди называли лѣнностью, есть только одно изъ самыхъ неизбѣжныхъ проявленій пониженности нервнаго тонуса, замедленнаго процесса питанія, ни что иное какъ безсиліе дѣйствовать, перешедшее въ состояніе привычки, одна изъ тѣхъ „абулій“, болѣзней воли, которая, какъ это показаль Рибо, неразрывно связаны съ мозговымъ истощеніемъ.

IV.

Возвращаясь теперь къ печали и радости, ясное пониманіе которыхъ и является нашей цѣлью въ данномъ случаѣ, мы можемъ указать имъ точное мѣсто въ преемственности эмоцій.

Мы можемъ сказать, что печаль даже въ томъ случаѣ, когда она происходитъ въ насъ отъ психической причины, есть ни что иное какъ сознаніе тѣлеснаго изнуренія, атоніи нашихъ органовъ, что она неразлучна съ отсутствіемъ чувства истощенія, ощущенія физіологической нищеты. Что же касается радости, то она первая степень экзальтаціи, или нервной возбужденности. Приведенный мною выше опытъ ясно показываесть, что ее нужно поставитъ непосредственно надъ областью равнодушія и подъ областью храбрости и негодованія, преддверій гнѣва.

Каждый день какой нибудь новый, тщательно наблюдаемый фактъ утверждаетъ меня въ этомъ мнѣніи, которое предусматривалъ уже вполне ясно и Ланге.

Такимъ образомъ непосредственную причину радости слѣдуетъ искать не въ томъ или въ иномъ вѣншемъ обстоятельстве, а внутри насъ самихъ. На одни и тѣ же событія нашей духовной жизни, мы смотримъ съ надеждой или отчаяніемъ, смотря потому въ какой области душевнаго состоянія мы въ настоящую минуту находимся.

Вотъ что мнѣ пришлось замѣтить на дняхъ.

Преодо мной по улицѣ шелъ молодой человѣкъ несомнѣнно южанинъ по происхожденію и, по всеѣмъ вѣроятіямъ, невропатъ. На нѣсколько минутъ тяжелая черная туча скрыла отъ насъ солнце, и молодой человѣкъ пошелъ съ опущенной головой, тяжело шагая, какъ будто его постигло безысходное горе. Но вотъ порывъ вѣтра унесъ тучу и возвратилъ намъ могущественный свѣтъ солнца, а черезъ нѣсколько минутъ нашъ Вертеръ сталъ веселымъ молодцемъ съ легкой походкой, побѣдоноснымъ видомъ, и дерзкимъ взоромъ, заглядывающимъ подъ шляпки проходящихъ женщинъ. Повидимому, онъ самъ нѣсколько не замѣчалъ того подъема духа, который вызвалъ въ немъ солнечный лучъ, подѣйствовавъ на его нервныя центры и повысивъ давленіе его крови—подъема на столько рѣзкаго, что я легко замѣтилъ его со стороны.

Слѣдующее наблюденіе является еще болѣе доказательнымъ.

Одинъ изъ моихъ пациентовъ — неврастеникъ, господинъ Д., пришелъ однажды ко мнѣ за совѣтомъ, удрученный своими неотвязными думами о тяжеломъ положеніи, въ которое онъ попалъ благодаря разнымъ денежнымъ

затрудненіямъ. Эта угнетенность духа выражалась весьма замѣтной физической изнуренностью и крайней слабостью пульса. Такъ какъ на моего больного совсѣмъ не дѣйствовало внушеніе, то я, ни слова ему не говоря, постарался поднять его энергію сильной подкожной инъекціей искусственной сыворотки и градомъ искръ статическаго электричества.

На другой день онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

„Нѣсколько минутъ послѣ моего ухода отъ васъ, все еще упорно думая о предстоящихъ мнѣ въ близкомъ будущемъ затрудненіяхъ, я замѣтилъ, что во мнѣ происходитъ мало-по-малу, необыкновенная перемѣна; я почувствовалъ, что тѣло мое становится болѣе легкимъ; иди къ вамъ я съ трудомъ волочлѣ ноги, а теперь, наоборотъ, у меня былъ избытокъ силъ. Помимо моей воли и несмотря на мои грустныя мысли, у меня появилась подпрыгивающая, веселая походка, я сталъ насвистывать разные, далеко не печальныя, мотивы; какой-то приливъ легкой веселости вдругъ наполнилъ мое тѣло, еще такъ недавно бывшее такимъ тяжелымъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, какъ мнѣ казалось, я все еще былъ занятъ печальными мыслями, но вскорѣ долженъ былъ признать, что и онѣ неудержимо измѣнялись; хотя не появилось никакой новой надежды, я все таки предусматривалъ возможность счастливаго исхода изъ моихъ тяжелыхъ обстоятельствъ. На нѣсколько часовъ въ меня вселились оптимизмъ и радость, а какъ давно уже они меня не посѣщали!“

Сотни разъ я наблюдалъ точно такой же фактъ при подобныхъ условіяхъ*).

А сколько людей отравляются алкоголемъ, опиумомъ, эфиромъ, морфіемъ, чтобы придти къ тому же результату, чтобы достигнуть легкаго возбужденія, той области веселья, откуда уже не видно страсти, скорби! И нашъ старый міръ еще считаетъ себя цивилизованнымъ, прибѣгая къ такимъ дикимъ средствамъ, чтобы доставить себѣ забвеніе! Эти пути въ искусственный рай, какъ ихъ называлъ Бодлеръ, ведущіе къ стыду и еще большей усталости на другой день, эти яды, дѣлающіе насъ рабами и въ концѣ концовъ дающіе намъ лишь нѣсколько минутъ забвенія по пути къ скотскому отупѣнію или къ бѣшенству, никогда не дадутъ веселья разбитымъ хронической скорбью людямъ, какими являются невропаты по наследственности и сильныя натуры съ истощенной нервной системой.

Пусть люди знаютъ, что, не прибѣгая къ этимъ темнымъ и обманчивымъ средствамъ, мы можемъ придать духу жизнерадостность и оживить его надеждой совершенно законными средствами, прибѣгая къ естественнымъ источникамъ человѣческой энергіи, къ чисто механическимъ возбужденіямъ нашихъ чувствительныхъ нервовъ.

Я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ и, думается, достаточно доказалъ, что мать нашей силы есть наша

*) Излишне повторять, что я чрезвычайно тщательно остерегался вмѣшательства внушенія. Конечно, оно не играетъ роли въ рядѣ терапевтическихъ дѣйствій, которыя можно объективно контролировать повышеностью кровяного давленія и сгущеніемъ крови т. е. скучиваніемъ красныхъ шариковъ.

способность чувствовать, наша воспримчивость; будем же искать ее всюду, гдѣ она есть, чтобы дать ей новое воспитаніе, чтобы культивировать себя, какъ сказалъ бы Барресъ, чтобы усилить ее методическими возбужденіями, какъ сказали бы фізіологи и врачи.

При осторожности, для избѣжанія излишествъ и при небольшой технической ловкости для избѣжанія рѣзкихъ толчковъ, предпшите хорошую музыку вашимъ слуховымъ нервамъ, массажъ вашимъ мышечнымъ нервамъ, красивыя зрѣлища вашимъ глазамъ, растиранія волосяными перчатками или искры статическаго электричества вашей кожѣ, серумъ вашей крови, діету вашему желудку—и вы увеличите свои силы, а соотвѣтственно этому уменьшите свою обычную печаль.

Когда повысится тонусъ вашихъ мышцъ и ваша кровь станетъ болѣе густой, когда всѣ ваши железы будутъ давать болѣе обильныя выдѣленія и къ вамъ возвратится аппетитъ, когда всѣ отправления вашего организма будутъ совершаться живѣе,—тогда вы составите представленіе о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ сильномъ и гибкомъ, способномъ разбить всѣ препятствія или обойти ихъ, тогда вы извлечете выгоду изъ самыхъ непріятныхъ повседневныхъ огорченій, тогда у васъ появится потребность дѣйствовать, тратить энергію, и, повѣрьте, тоска исчезнетъ, ибо печаль никогда не пойдетъ рука объ руку съ этой степенью дѣятельности духа.

V.

Прошу читателя не думать, что я вижу конецъ человѣческой скорби и наступленія общаго счастья на землѣ въ шведскомъ массажѣ и въ дождевыхъ душахъ. Людскому горю нѣтъ конца; ни инструменты хирурга, ни лѣкарства аллопата, ни наставленія пастырей душъ не могутъ помѣшать человѣчеству страдать. Да и если бы возможно было совсѣмъ уничтожить скорбь, то не слѣдовало бы этого дѣлать, потому что страданія служатъ единственнымъ сильнымъ стимуломъ дѣятельности и прогресса какъ для народовъ, такъ и для отдѣльныхъ лицъ.

Какъ врачъ, я стремлюсь лишь къ исцѣленію извѣстной группы душевно-больныхъ людей. Я смѣло утверждаю, такъ какъ видалъ это сотни разъ, что можно успѣшно лѣчить и вылѣчивать отъ мертвящей скуки, отъ хронической тоски, отъ безпричинной меланхоліи, отъ пессимистическаго настроенія, облекающаго все въ мрачныя краски и отъ внутренняго душевнаго разлада.

Такъ какъ подобныя душевныя состоянія сопровождаются всегда общимъ нервнымъ истощеніемъ, параличомъ воли, отсутствіемъ произвольнаго вниманія, безсиліемъ довести до конца какое нибудь полезное дѣло, то значить эти состоянія являются разстройствомъ духа, безцѣльной тратой энергіи, страданіемъ безъ всякой надобности, а все это возмущаетъ моралиста, и онъ уступаетъ мѣсто врачу.

Тогда задача лѣченія сводится къ слѣдующему: найти методическія возбуждающія, лучше всего подходящія къ данному темпераменту; отыскать оцущью ту дозу, которая какъ разъ достаточна, чтобы быстро поднять данную нервную систему на степень бодрости и веселости; начинать съ малыхъ дозъ, чтобы избѣжать излишней возбужденности; увеличивать количество возбуждающихъ; такъ чтобы дѣйствіе одного усиливало бы и пополняло дѣйствіе другого; приучить нервную систему къ легкой степени возбужденія, чтобы она сохранила ее навсегда, такъ какъ необходимо, чтобы нервный тонусъ держался бы самъ собою и послѣ окончанія лѣченія, какъ держится сама собою стрѣлочатая арка и послѣ отнятія подпорокъ.

Когда больной приобрѣтетъ столько силы, что она будетъ уже имъ ощущаться и доставлять ему нѣкоторое стѣсненіе, такъ что онъ станетъ испытывать потребность тратить и воплощать ее въ дѣйствіяхъ, — постарайтесь возбудить въ немъ честолюбіе, соотвѣтствующее его способностямъ, и принудите его къ полезному и правильному труду. Только тогда вы можете сказать, что совершенно вылѣчили его.

Не показываетъ ли все это совершенно ясно полное равнодушіе къ намъ природы? Въ горѣ мы считаемъ ее злѣйшей мачихой, въ радости — благодѣтельницей, а между тѣмъ и горе и радость лежатъ въ насъ самихъ, зависятъ отъ способа реагированія нашихъ нервныхъ центровъ на внѣшнія колебанія и отъ интенсивности этой реакціи.

Только извѣстное состояніе нашей энергіи, извѣстная степень дѣятельности нашего мозга заставляеть насъ считать то или иное событіе мукой или радостью и

смотрѣть на жизнь то какъ на величайшее благо, то какъ на самую злую мистификацію. Мы можемъ выразить въ цифрахъ (теперь только приблизительно, а въ будущемъ съ математической точностью) въ какой степени нервного возбужденія духъ радостенъ или печаленъ бодръ или унылъ; раціональная терапія даетъ намъ возможность въ нѣсколько минутъ путемъ чисто механическаго возбужденія нервныхъ центровъ замѣнить надеждой скуку, силой и потребностью дѣйствовать то состояніе духа, которое Бодлеръ назвалъ угрюмой нелюбознательностью.

La morne incuriosité.

Это служитъ яркимъ отвѣтнымъ доказательствомъ геніальной прозорливости Спинозы, который еще въ срединѣ XVII вѣка опредѣлялъ чувствованія, какъ отраженіе энергіи нашей физической личности.

Что скажутъ объ этой точкѣ зрѣнія пессимисты? Можетъ быть читатель найдетъ, что она развѣнчиваетъ ихъ ученіе и лишаетъ поэзіи ихъ мрачное міровоззрѣніе, которое грубый здравый смыслъ приписываетъ дурному пищеваренію, а новѣйшая психологія приписываетъ истощенію нервной системы, что въ сущности довольно сходно. Пессимисты не замедлятъ, конечно, отвѣтить, что все это совсѣмъ не важно для ихъ философіи, потому что человѣчество все таки страдаетъ, и міръ устроенъ очень скверно уже по тому, что нашъ мозгъ, представленіемъ котораго онъ является, слишкомъ часто принужденъ смотрѣть на вселенную въ мрачномъ свѣтѣ.

Извѣстно вѣдь, что доктринеры всегда кончатъ тѣмъ, что примкнуть къ своей доктринѣ и было бы наивно

стремиться къ ихъ обращенію какимъ либо новымъ путемъ, кромѣ вышеизложенныхъ средствъ лѣченія печали.

Мы не считаемъ себя ни пессимистами, ни оптимистами, мы смотримъ на вѣдшій міръ, какъ на обширный океанъ механическихъ колебаній, совершающихся безъ злобы или любви къ человѣку, и просто констатируемъ, что извѣстная форма печали, самая бесполезная и самая тяжелая изъ всѣхъ, излѣчима. Лѣченіе упадка духа вслѣдствіе печали существуетъ, оно логично, оно хорошо дѣйствуетъ и, конечно, имъ слѣдуетъ пользоваться.

Но въ то же время нужно радоваться скромности лѣчебныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи нашей медицины. Или, можетъ быть, вы хотите уничтожить всѣ грустныя настроенія и грезы и устроить на землѣ царство грубой радости?

Не будемъ забывать, что самая благородная поэзія родилась изъ скорби, что человѣческое страданіе породило состраданіе и любовь, и что горе нерѣдко побуждало насъ то къ глубокимъ размысленіямъ, то къ спасительной дѣятельности. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ забывать и того, что нашъ мозгъ замѣчаетъ только разницу въ состояніяхъ, а слѣдовательно, вѣчно продолжающаяся радость осталась бы незамѣченной и непочувствованной: мы ощущаемъ счастье лишь тогда, когда оно появляется или прекращается. И я вполне понимаю рыцаря Тангейзера: постоянныя наслажденія въ Венериной горѣ доставляли ему только скуку, и онъ ушелъ оттуда, чтобы опять страдать и трудиться, какъ другіе люди.

85

Того же автора:

Дѣнь и ея дѣченіе. Ц. 25 к.

1891

Цѣна 15 коп.